

Д.Ю. СИВКОВ
(Волгоград)

СФЕРИЧЕСКАЯ ИММУНОЛОГИЯ П. СЛОТЕРДАЙКА

В конце прошлого года в издательстве «Наука» вышел в свет перевод последнего тома трилогии «Сферы» известного немецкого философа Петера Слотердайка. До этого русскоязычные читатели могли ознакомиться с первым и вторым томами «Сфер», а также с первым прогремевшим произведением Слотердайка «Критика цинического разума» и несколькими фрагментами в Интернете, в частности с докладом «Правила для человеческого зоопарка», который считается программным для немецкого философа.

Вообще говоря, выход этого трехтомника, этого *opus magnum* (на русском – более 2500 страниц) – событие для постсовременной философии скорее исключительное, чем обычное. Постсовременность, как известно, постулирует смерть «большого рассказа», с подозрением относится к объемным философским системам, претендующим на тотальное описание мира. Западный философский мэйнстрим сегодня – это малые формы, клиповое мышление, парадокс, практическая философия и т.п. В этой связи объем, тематическое разнообразие и единая логика «Сфер» поражают воображение. Следует отметить не только интеллектуальную смелость немецкого философа, но также колоссальный труд, который проделал переводчик К.В. Лощевский. Некоторая интеллектуальная смелость должна быть присуща и читателю, который задумает преодолеть эти три тома, т.к. сегодня судьба чтения – фрагментарное и случайное схватывание в колоссальных архивах.

Поражают также количество и разнообразие иллюстративного материала (по сути, иллюстраций немногим меньше, чем страниц), особенно в первом и втором томах. Слотердайк удивительным образом решает пресловутую проблему наглядности в философии. Эта проблема коренится в родовом стремлении философии абстрагироваться от конкретных чувственных образов. Однако мы знаем, что иконоический запрет в истории философии постоянно нарушался. Даже мастер абстракции (ненаглядности) Гегель старался крупными серыми штрихами проиллюстрировать свою систему совой, летящей в ночи, и духом, который гарцует на лошади. Множество визуальных

примеров, которые поясняют те или иные логические ходы, подобраны Слотердайком тщательно и точно. Репродукции картин, икон, фресок, фотографии зданий, скульптур и барельефов, схемы и графики – этот список можно долго продолжать – все это делает трехтомник замечательным примером визуализации объяснения. Причем в «Сферах» можно найти как иллюстрации к отдельным положениям, так и развернутый культурологический анализ некоторых произведений искусства.

Список тем, которые затрагивает немецкий философ, настолько широк, что, пожалуй, только простое перечисление заняло бы несколько страниц рецензии. Однако все же следует попытаться отметить ключевые и актуальные рубрики, которые, несомненно, будут интересны читателю. В «Сферах» Слотердайк разрабатывает теорию символического пространства, в частности, концепцию постсовременной архитектуры. Здесь также представлена философско-антропологическая концепция диад и симпатических связей. Во втором томе можно найти философскую теорию метафизической и территориальной глобализации. В третьем томе представлена оригинальная социологическая концепция (теория пены), преодолевающая оппозицию реализма и субъективного идеализма. Кроме того, в «Сферах» можно вычитать положения фетальной метафизики, согласно которой человек до того как родиться и в процессе рождения получает некий важный метафизический опыт, который сохраняется на протяжении жизни. Также здесь содержатся оригинальная медиафилософская концепция и теория коммуникации. Наконец, магистральной линией, можно даже сказать, методологией сферологического проекта является так называемая «всеобщая иммунология» (*Allgemeine Immunologie*).

В этой рецензии как раз предлагается сосредоточить внимание на всеобщей иммунологии как на некоторой связующей многообразии тем линии. Вообще говоря, на рубеже XX – XXI вв. появляется специфическая призма понимания реальности, так или иначе связанная с концептом иммунитета. Эта призма называется по-разному: философская иммунология, всеобщая иммунология, сравнительная иммунология. В общем, речь идет о том, что иммунологическая метафора (или иммунологическая парадигма) позволит объяснить постсовременную ситуацию глобального заражения и всеобщего иммунодефицита.

Ряд авторов обращают внимание на взаимодействие биомедицинской иммунологии и философии. Речь идет о том, что в научной дисциплине производятся некоторые идеи и схемы универсального характера, которые затем используются в философии. Помимо философии науки, есть исследования, согласно которым иммунологические идеи обнаруживаются в метафизике. Иммунологическая метафора используется ретроактивно и распространяется на историю человеческой культуры и, в частности, на метафизику. Также в рамках философской иммунологии представлен анализ некоторого общего иммунологического чтива, некоторой зоны обмена, в которой пересекаются и смешиваются научные, философские, литературные и повседневные представления.

Слотердаик в 3-м томе «Сфер» связывает актуальность появления иммунологии в качестве трендового дискурса с так называемым «открытием окружающего мира», которое произошло во время Первой мировой войны. Использование среды для опосредованного уничтожения врага привело к трагическому осознанию факта, что вокруг человека есть некий окружающий мир, который может нести смерть. Химическое, бактериологическое, ядерное оружие и терроризм направлены на то, чтобы лишить людей условий существования, или жизненных предпосылок. Атмосферная война актуализировала глобальный ужас: весь мир опасен, следовательно, под подозрение попадает все незначительное и неясное. Теперь исследование – это пристальное внимание ко всему невидимому и незаметному, а также к средствам защиты от окружающего мира. В этом смысле XX век, по Слотердайку, – это век открытия иммунных систем.

Слотердаик отмечает, что понятие иммунитета становится своеобразным паролем эпохи. Теперь содержание этого понятия выходит за пределы биохимии и распространяется в ментальном и социальном полях. «Главная тема столетия вырастает из катастрофы традиционной культуры и ее холистической морали: *Making the immune systems explicit*. Выяснилось, что конструирование иммунитета представляет собой намного более всеобъемлющий и противоречивый процесс, чем все, что может быть описано с помощью одних лишь медицинско-биохимических категорий. В силу его комплексной природы для его реального развертывания необходимо привлечение политических, военных, юридических,

технично-страховых и психосемантических, а следовательно, и религиозных компонентов» [3, с. 193–194]. Такие феномены, как «душа», «Бог», «бытие», немецкий философ предлагает понимать как иммунитеты.

В принципе, можно сказать, что сферология – это проект всеобщей теории иммунных систем. Понятия «сфера» и «иммунная система» отождествляются немецким философом. Под сферой понимается некоторая символическая оболочка, одушевленная и наполненная смыслом («климатом» или «атмосферой»), которая задает людям их положение в мире и в некотором смысле защищает их от мира. Немецкий философ предлагает следующее антропологическое определение: люди – это существа, которые конструируют сферы [2, с. 204]. Сфера является некоторым универсальным символом человеческого существования, к которому, так или иначе, редуцируются остальные геометрические фигуры. Согласно Слотердайку, жить, строить сферы и мыслить – это примерно одно и то же. Созданные сферы – это также создание общих иммунных пространств солидарности.

В истории культуры выявляются три разновидности сфер: «пузыри» (Blasen), «шары-глобусы» (Globen) и «пена» (Schäume). Каждому из сферотипов соответствует своя дисциплина и посвящен отдельный том: «Микросферология», «Макросферология», «Плюральная сферология». Образ пузыря используется для описания различного рода интимных, по сути амедальных межличностных отношений; слово «пузырь» как раз подчеркивает хрупкость этих отношений. Метафора «шар-глобус» выбирается Слотердайком для описания глобальных проектов построения всеобщих, в пределе бесконечных, иммунитетов для совместного существования больших групп людей. Если глобусы иллюстрируют принцип единства, то пена – состояние множественности, нестабильности и даже неуловимости. Пена выражает состояние подвижной и децентрированной социальности. Глобусы и пены образуются присоединением (или отсоединением) и захватом пузырей.

Влияние многих мыслителей отразилось в сферической иммунологии немецкого философа. Можно, например, назвать О. Шпенглера (морфология культуры), Г. Башляра (теория пространства), Б. Латура (сетевая теория акторов), Х. Мюльманна (концепция максимальной кооперации в условиях стресса), А. Гелена (философская антропология), но, пожалуй,

в наибольшей степени на ключевые моменты иммунной сферологии Слотердайка повлияли Хайдеггер и Ницше. Слотердаик предлагает переосмыслить хайдеггеровский проект «бытие и время» в контексте «бытие и пространство». В экзистенциальной аналитике пространства главная характеристика человека – пребывание в чем-то, что Хайдеггер называл «бытие-в-мире». При этом у Слотердайка «бытие-в» всегда есть «бытие-с-другим»; идеи Хайдеггера получают в сферологии социальное измерение. «Настоящий проект “Сферы”, – пишет Слотердаик, – можно понимать и как попытку вызволить из-под спуда – по крайней мере в его существенных аспектах – субтематически присутствующий в ранних работах Хайдеггера проект “Бытие и пространство”. Мы полагаем, что если от интереса Хайдеггера к укоренению и можно избавиться, то лишь посредством теории пар, гениев, дополненной экзистенции» [1, с. 351]. Хайдеггеровское “бытие-в” означает постоянное проживание в «среде заражения», невозможность стерильного существования.

Ф. Ницше Слотердаик называет первым философом с иммунологическим стилем мышления, основателем всеобщей иммунологии: «именно Ницше осуществил иммунологический поворот мышления и был первым, кто истолковал культуру в целом как конкурентную борьбу между стратегиями уменьшения и стратегией увеличения масштабов заражения» [2, с. 560]. Действительно, биологическая метафизика Ницше строится на принципе «жизнь есть комбинация нападений и защит». В сферической иммунологии речь идет о серии взаимных захватов и влияниях, а также о возможностях всего этого избежать. Кроме того, Слотердаик на страницах «Сфер» постоянно цитирует прозрения Ницше в отношении понимания истории человечества как истории иммунных систем.

Том «Пузыри» посвящен различным способам образования первичных оболочек, символическим описаниям первичных интимных связей. Метафорически человек представляется в виде сосуда, который может наполняться только извне. Тогда быть субъектом, согласно Слотердаику, – это всегда быть связанным с Другим. В этом смысле первичная сфера представляет своего рода «Мы-иммунитет». То, что Слотердаик предлагает называть микросферой, парадоксальным образом возникает на пересечении кругозоров и имеет, как минимум, два центра. Первый том «Сфер» пред-

ставляет собой последовательную критику автономии субъекта. Люди оказываются связанными на символическом уровне общего кровообращения, в пространстве пересечения взглядов, телепатическом и гипнотическом единстве, психоакустическом резонансе.

Сферология как критика индивидуализма предлагает холистическое понимание реальности, компоненты которой связаны сильнее, чем может показаться, и на многих уровнях. Собственно говоря, сама реальность при таком понимании обнаруживается не столько «в чем-то», сколько «между чем-то». Например, процесс мышления немецкий философ предлагает понимать как системное срабатывание, а не как элементарное: «человеческий мозг, как и гениталии, по самой своей сущности входит в некую парную, а вероятно, даже коллективную систему <...> Мозг – это среда для того, что делают или делали другие мозги. Интеллект получает необходимые для собственной деятельности ключевые раздражения лишь от другого интеллекта. Подобно языку и эмоции, интеллект – не субъект, а среда или резонансный контур» [1, с. 275].

Прообразом биполярной микросферы выступают отношения матери и ребенка, которые до его рождения связаны общим дыханием, кровообращением, ребенок слышит мать, а после рождения «разрыв пуповины» компенсируется отношениями нежного взгляда, слова и касания. После рождения человек, по мнению Слотердайка, всегда связан с некоторым символическим двойником: «бытие уже потому обладает сферической и медиальной структурой, что субъект всегда находится в поле внимания и защиты некоей полубожественной силы. Каждый индивид пребывает в определенном духовном окружении независимо от того, как понимается его дух-хранитель: как персонифицированный спутник, пребывающий в некоем незримом *vis-à-vis*, или как окружающая человека аура, “божественная среда”, перемещающаяся вместе с субъектом» (Там же, с. 439).

Людам после рождения свойствен не только поиск изначального укрытия, но также и некоторый экстатический порыв, иммунная трансценденция. Обнаружение границы изнутри автоматически инициирует интерес к преодолению: что там снаружи? Соответственно, переход от микросфер к макросферам осуществляется как борьба за иммунитет: включение и поглощение пузырей. Иммунитет восстанавливается и укрепляется посредством

приручения стрессора. Утрата близкого человека, биполярного Другого, с одной стороны, вызывает сильнейший стресс, с другой – становится условием укрепления микросферы. В этом смысле расширение сферы происходит за счет отдаления и включения мертвых [2, с. 163–165]. Также увеличение пространства микросферы происходит через исключение «зла» в процессе жертвоприношения из сферы и создание дистанции; сфера прибавляется за счет буфера (Там же, с. 183–185). Последующая история людей – это история построения различных гиперсфер, символических и политических образований, в которых могли бы ужиться людские множества.

Тотальная геометризация бытия начинается в Древней Греции. Продуктом воображения древнегреческих философов является идеальный шар, вмещающий в себя все, что только можно помыслить. С одной стороны, гиперсфера есть предел всякого рассуждения о тотальности сущего. В то же время это идеальный проект, или модель, которая будет реализована в так называемой наземной глобализации. В этом смысле метафизическая глобализация «на пергаменте» предшествует глобализации «географических открытий, денег и телекоммуникаций». Эта метафизическая мечта оказывается мечтой о сфере сфер, о «последнем иммунитете», вмещающем все, защищающем всех (Там же, с. 112). Вообще говоря, глобус как наглядная модель мира используется для обозначения иммунных границ. Слотердаjk обращает внимание на тот факт, что в истории сосуществовали два глобуса: земной и небесный. Наличие небесного глобуса в метафизической уранологии древности указывает на наличие иммунитета, крепость которого может выражаться в количестве небес.

При этом метафизическая мечта находит некоторые наглядные подтверждения – происходит техническая реализация идеального плана бытия. «В великой технике нет ничего, что прежде отсутствовало бы в метафизике» (Там же, с. 436). Например, в Древнем Риме строительство Пантеона – храма всех богов – интерпретируется Слотердаjkом в иммунологической парадигме как «римское решение греческих задач». С одной стороны, в Пантеоне происходит имперское включение всех чужеродных богов (стрессоров) в единое пространство. С другой стороны, помимо политической иммунологии создается наглядное пособие, которое позволяет увидеть иммунитет снаружи (подойти к храму) и изнутри (войти в храм). Пантеон – модель, которая

воплощает «иммунный мотив классической метафизики – взгляд на великое объемлющее, всему вмещающее и все собирающее воедино» (Там же, с. 450).

Позднее в христианской теологии и мистике предпринимается попытка построения бесконечного иммунитета. В этом смысле мистика представляет собой растворение в бесконечном иммунитете, но, как следствие, в мистике происходит утрата различий между внутренним и внешним, а по сути, между опасным и безопасным. «Мистика – это приобретенный иммунодефицит региональных онтологий; им заражаются в результате незащищенных сношений мышления с интригующим понятием бесконечного» (Там же, с. 556). Уже у Августина в «Исповеди» исследуется интимное соотношение конечного и бесконечного. Далее в средневековой тринитарной теологии предпринимается попытка решить проблему интимного сосуществования многих в едином без отчуждения единичного. Троица, конечно, не совпадает с миром, но в ней, как в идеальной схеме, исключаются любые разрывы, исключается все внешнее.

Вот эта тематизация исключения периферии продолжается в Новое время. Божественный гипериммунитет представляет собой такую сферу, в которой центр находится везде, а окружность – нигде. Подобное понимание реальности, например у Джордано Бруно и Николая Кузанского, имеет следствием утрату различения центра и периферии. «С морфологической и иммунологической точки зрения можно утверждать, что в метафизическую эпоху важнейшей акцией Бога была оборона границы от Ничто, внешнего и бесконечного <...> Бог был способен оставаться “в силе” до тех пор, пока защитникам его интересов удавалось истолковывать его как гигантский, хотя и конечный, сохраняющий свою собственную форму шар. Как только теология начала всерьез работать с опустошающим атрибутом *бесконечности* (а с точки зрения истории метафизики это процесс, эндогенно инициирующий наступление Нового времени), она отняла у Бога его сферопойетическую функцию, ибо в бесконечном шаре исчезает метафизическое бризантное и иммунологически решающее различие между внутренним и внешним» (Там же, с. 126). Подобное стремление к бесконечности в метафизической и наземной глобализации приводит к расстройству иммунной системы и, как следствие, к распаду

гиперсферы. Понимание реальности в контексте «центр везде, а окружность нигде», открытие и соединение всех частей Земли, как считает Слотердаик, свидетельствуют об иммунологической катастрофе Нового времени: «Шар мертв». Смысл этой катастрофы очень хорошо выразил Блез Паскаль: «Вечное молчание бесконечных пространств повергает меня в ужас».

Бесконечное пространство не защищает людей, а значит, оно оказывается непригодным для жизни. Иммунная Судьба человечества после Нового времени связана с невозможностью построить гипериммунитет, неустойчивостью и бездомностью. Как пишет во втором томе Слотердаик, «многие граждане современных национальных государств, находясь дома, уже не ощущают себя у себя самих, а находясь у себя самих, уже не чувствуют себя дома» [2, с. 1006]. Итак, после крушения гиперсфер на арену сферической иммунологии выходят пенные образования. Если в первом и втором томах у Слотердайка присутствует консервативная ностальгия по утраченному иммунитету, то лейтмотив третьего тома – ничего не поделаешь, нужно как-то жить дальше. Немецкий философ пишет: «Единый шар взорвался, что ж – пена живет» [3, с. 21]. Пены призваны описать постиммунологическую ситуацию, в которой каждый пузырь (диада) вынужден проявлять недюжинную аутоиммунную заботу о себе, чтобы выжить в агрессивной среде, рискуя присоединиться к множеству себе подобных.

Экзистенциальная задача, стоящая теперь перед людьми, после того, как в воздушной войне был открыт окружающий мир: создание климатических теплиц, замкнутых на себе. Вынужденное изолированное существование немецкий философ предлагает описывать с помощью метафоры «острова». «Острова – это модели мира внутри самого мира» (Там же, с. 311). Со времени выхода романа о Робинзоне Крузо люди могут считаться островными существами. Предельными моделями островного существования немецкий философ считает «абсолютный остров» – космический корабль в вакууме и «атмосферный остров» – проект «Биосфера-2» (попытка построения тепличных жизненных миров в нежилой аризонской пустыне). Собственно, возникновение человечества, антропогенез, по Слотердайку, есть приобретение коизолированного существования через иммунную дистанцию от приро-

ды. Несовершенство биологических иммунных механизмов привело к психоиммунной компенсации, обычно называемой словом «культура». Сам принцип островного существования означает некоторое сопротивление или выделение из среды.

Метафора пены описывает не только изоляцию ячеек, но и нестабильное и многоуровневое присоединение их друг к другу. Никакое подключение к другим, никакое соединение ячеек в пену невозможно без некоторой первичной, или родовой биполярной связи. «Если люди способны существовать в “обществе”, то лишь потому, что они объединились и вступили в отношение друг с другом в каком-то другом месте <...> чтобы типично человеческим образом быть в обществе, необходимо заранее обладать некоей способностью к совместному бытию» (Там же, с. 305). На примере современной архитектуры Слотердаик демонстрирует медиаиммунную гибкость субъекта в подключении к миру и отключении от него. Например, телефон, с одной стороны, отодвигает индивидуальные сферы на дистанцию, но в то же время остается каналом для психоинфекций (Там же).

Третий том завершается критикой общества потребления в контексте иммунологической парадигмы. Немецкий философ обращает внимание на тенденцию стремления сфер к левитации и облегчению жизни: каждый пытается решить иммунную задачу обеспечения себе максимального комфорта, быть не зависимым от тяжести и давления мира. «Оснащенные ограниченным набором облегчающих техник люди самых различных культур стоят перед задачей как можно дальше уйти от тяжести мира – и нести на своих плечах то, что осталось» (Там же, с. 754). Причина иммунного кризиса постсовременности, как считает П. Слотердаик, кроется в том числе в иммунном эскапизме и в итоге – в неспособности субъекта противостоять миру.

Литература

1. Слотердаик П. Сферы : микросферология. Т. I : Пузыри / пер. с нем. К.В. Лоцевского. СПб. : Наука, 2005.
2. Слотердаик П. Сферы : макросферология. Т. II : Глобусы / пер. с нем. К.В. Лоцевского. СПб. : Наука, 2007.
3. Слотердаик П. Сферы : плюральная сферология. Т. III : Пена / пер. с нем. К.В. Лоцевского. СПб. : Наука, 2010.